

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.22

П.В. КУРГУЗОВ

УДК 94 (470) «1917/1921»

ББК 63.3

**ЧЕРНЯЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ В КЯХТЕ
(ДЕКАБРЬ 1920 Г.):
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

В статье на основе редких архивных и ранее не цитированных научных источников и мемуаров, исследуется одно из первых организованных восстаний, в конце 1920 г, в Забайкалье, в Троицкосавском уезде молодой Дальневосточной республики. В центре внимания автора: предпосылки, ход восстания, его итоги, биографические данные и судьбы участников.

Ключевые слова: Кяхта, гражданская война, крестьянские мятежи в Сибири, Дальневосточная республика, Госполитохрана ДВР, социальная справедливость, народно-революционная армия ДВР.

P.V. KURGUZOV

**CHERNYAEV UPRISING IN KYAKHTA (DECEMBER 1920):
UNKNOWN PAGES OF HISTORY**

The article, based on rare archival and previously uncited scientific sources, examines one of the first organized uprisings, at the end of 1920, in Transbaikalia, in the Troitskosava district of the young Far Eastern Republic. The focus of the author – the author: the background, the course of the uprising, its results, biographical data and the fate of the participants.

Keywords: Kyakhta, Civil War, peasant riots in Siberia, far Eastern Republic, State political guard of the Far East, social justice, People's Revolutionary Army of the Far East.

Тема крестьянских мятежей и восстаний в годы Гражданской войны в России стала активно изучаться только в последние два десятилетия. Две революции 1917 года и последовавшие за ними кровопролитные схватки между красными и белыми, интервенция западных держав и Японии, захват Сибири и Дальнего Востока войсками А. Колчака и Г. Семенова заслонили проблему «внутреннего фронта», сопротивление крестьянского большинства мероприятиям новой власти. Но мощнейший, преимущественно стихийный социально-политический протест, прокатившийся по всей стране, вскоре заставил большевистское правительство отказаться от политики «военного коммунизма» и идеи «трудовых армий». Восстание в Кронштадте, «антоновщина», «махновщина», «мироновщина» и прочие отложившиеся в массовом общественном сознании придуманные пропагандой термины, в своем контексте, заведомо носили антигосударственный характер и характеризовались в исторических исследованиях исключительно в обличительном ключе. При этом все участвовавшие в этих восстаниях крестьяне объявлялись бандитами, дезертирами и самогонщиками, а их руководители – кулаками, недобитыми белогвардейцами, эсерами и меньшевиками.

Действительно с 1920 г. в стране развернулось невиданное ранее вооруженное сопротивление, начали возникать целые крестьянские армии, которые оперировали на огромных территориях бывшей империи. Центральная Россия, Поволжье, Урал, Восточная Сибирь, Западное Забайкалье уже были освобождены от войск белых армий и интервентов, тем не менее, в 36 губерниях России продолжало действовать военное положение, так как шло подавление крестьянских бунтов [1, с. 22].

Надо отметить, что социально-экономическая ситуация в огромной, преимущественно аграрной малонаселенной Сибири и экономически развитой Центральной России, была естественно неравнозначной, вследствие чего крестьянские выступления отличались и по политическим лозунгам восставших и по характеру ведения боевых действий. При этом, везде, как правило, основной первопричиной, была сложнейшая экономическая ситуация и жажда социальной справедливости бывших партизан и красноармейцев, вернувшихся после боев с Колчаком и Деникиным к своим сельским наделам.

На территории Бурятии, самым первым таким выступлением стало Черняевское восстание в г. Кяхта – Троицкосавск в начале зимы 1920 г., сыгравшим заметную роль в общественно-политической жизни молодой Дальневосточной республики, вынудив новую власть сделать нелицеприятные для себя выводы и провести по возможности объективное расследование этого события.

Восстание началось в ночь с 1-го на 2-е декабря 1920 г. внезапным налетом из станичных деревень Кирана и Усть – Кирана вооруженного

отряда мятежников, состоящего из легкой кавалерии и пехоты в количестве около 100 человек в три часа ночи, захвативших уездный центр – г. Троицкосавск [2, л. 15].

Руководил отрядом партизанский вожак из старообрядческого села Билютай, Окино – Ключевской волости, Троицкосавского уезда (ныне Бичурский район Республики Бурятия), Емельян Севастьянович Черняев (1879–1931 гг.). В начале 1920 г. Е. Черняев сумел организовать партизанский отряд, который успешно участвовал в боях против семеновского дивизиона из Троицкосавска и карательного отряда японских интервентов, наступавших на Бичуру из г. Петровск-Забайкальск. После этого его отряд ушел по Удунгинскому тракту на Мысовск (ст. Мысовую), где участвовал в боях с остатками белой армии В. Каппеля. В кругу боевых товарищей и местного населения этот человек имел особую популярность и уважение. Но после расформирования партизанских отрядов и создания Народно-революционной армии (НРА) ДВР, Е. Черняев был лишен командирских должностей и определен обыкновенным бойцом в гарнизон Троицкосавска [3, с. 60].

Прибыв в город, отряд Емельяна Черняева и его заместителя бывшего полковника царской армии Соловьева соединился с заранее пропагандированными частями гарнизона, а именно пулеметной командой пограничного батальона и частично комендантским взводом. Заняв местный штаб и разоружив патрули, восставшие арестовали начальника гарнизона С.А. Абрамова, командующего Троицкосавской группы войск И.Н. Бурсака, военкома гарнизона А.К. Лихачеву, коменданта г. Троицкосавск Б.Н. Меркулова и ряд других высокопоставленных партийных и военных работников. Под утро восставшие заняли почту, телеграф и телефонную станцию. При захвате телеграфа работники телефонной станции успели по телефону сообщить в уездный комитет РКП(б) секретарю А.Д. Наумову о происходящем [4, с. 150]. В это время восставшие сумели организовать митинг на Соборной площади для солдат гарнизона и горожан. Выступивший первым Е. Черняев провозгласил лозунг восстания: «За Советскую власть, без коммунистов!». Следом за ним выступили еще несколько солдат и казаков с обвинениями в адрес как они заявляли «антинародной проворовавшейся власти». Все они требовали немедленного ареста и суда над руководителями уезда и ГПО (Госполитохраны), установления «подлинно народной власти без коммунистов». Пока проходил митинг, А. Наумов связался с военкомом первого полка Сретенской кавбригады, находившейся в Троицкосавске, коммунистом Зыкиным. Последний привел полк в полную боевую готовность и выступил в сторону Соборной площади. Военком Римша привел оставшиеся верным властям части второго полка также к площади. Мятежники были внезапно окружены. Е. Черняева арестовали, повстанцев разоружили,

костяк Черняевского отряда вместе с полковником Соловьевым быстро покинул город. Уже под утро был вновь открыт митинг, на котором от властей уезда выступил военком Зыкин. Он заявил солдатам: «Вас обманули враги народа и спровоцировали против народной власти. Предлагаю вам спокойно разойтись по казармам, а там сами разберитесь, кто вас толкнул на выступление против народной власти». В городе быстро восстановили порядок. Все арестованные Е. Черняевым бывшие руководители гарнизона были освобождены [3, с. 61-62].

Успеху восстания способствовало, как было указано в выводах приехавшей позже комиссии, «масса мелочей, хотя и ничтожных, но, в общем, озлоблявших бойцов и население» [2, л. 16].

Что же являлось этими мелочами?

В Троицкосавске советская власть победила еще весной 1920 г., местный красный гарнизон в ходе образования ДВР стал частью НРА, а последние интервенты – китайские войска, контролировавшие слободу Кяхты, ушли в соседний с Кяхтой г. Маймачен 13 ноября 1920 г. На следующий день в слободу вошли части НРА и ГПО ДВР. Нужно отметить, что практически все государственные, военные и партийные органы Троицкосавского уезда и города возглавляли на тот момент лица, которые не только не имели отношения к уезду, но и родились очень далеко от этих мест, то есть были людьми чужими для местного населения Троицкосавска.

Главным руководителем этого особого пограничного района стал назначенный Г.Х. Эйхе, (Командующий 5-й Красной Армии (ноябрь 1919 – январь 1920 г.), он же, Главком НРА ДВР (март 1920 – апрель 1921 г.)), Иван Николаевич Бурсак (он же Борис Яковлевич Блатлиндер), активный участник Гражданской войны (1895–1975 гг.) и близкий приятель Г. Эйхе. В Иркутске в 1919 г., благодаря будущему руководителю Бурят-Монгольской АССР, Михею Николаевичу Ербанову, руководящему подпольным паспортным бюро большевиков и изготовлявшим фальшивые документы, Б.Я. Блатлиндер становится И.Н. Бурсаком. В одном из своих писем он вспоминал, что с Михеем Ербановым познакомился через большевичку К.П. Чудинову. «Михей приготовил мне паспорт на имя Бурсака И.Н., с того момента эта фамилия стала мне родной» [5, с. 34].

В январе 1920 г. И. Бурсак становится начальником штаба Коммунистических рабоче-крестьянских дружин, а затем комендантом и начальником гарнизона г. Иркутска. 7 февраля 1920 г. И. Бурсак руководил расстрелом Верховного правителя России, адмирала А.В. Колчака и премьер-министра колчаковского правительства В.Н. Пепеляева. В это же время всплывают неприглядные факты о деятельности И. Бурсака в качестве руководителя отряда, который осуществлял арест А. Колчака при передаче последнего чешскими легионерами, большевикам. Были уста-

новлены факты кражи и мародерства различных ценностей и золота из вагона Верховного правителя. И. Бурсак, был приговорен к расстрелу Иркутским ревтрибуналом, но в дальнейшем помилован и отправлен командующим Троицкосавской группой войск НРА ДВР.

В Троицкосавск он приезжает не один, а с молодой женой, известной революционеркой из г. Верхнеудинска (Улан-Удэ), Августой Капитоновной Лихачевой (1903-1937 гг.). В 1920 г. ей всего 17 лет, но, несмотря на это, и на запрет занимать родственникам ответственные должности, И. Бурсак назначает ее на должность военного комиссара Троицкосавского гарнизона [2, л. 28].

Августа Лихачева, как не странно, была дочерью состоятельного банковского служащего Верхнеудинска. Учась во 2-й Верхнеудинской гимназии, она рано начинает свою революционную деятельность в 14 лет, став активным организатором Верхнеудинского социалистического союза молодежи (организован в феврале 1917 г.) [6, с. 152]. В этом же году она знакомится и становится близкой подругой и соратницей с Анной Никитичной Хохряковой, будущей женой партизанского командира, руководителя партизанского движения на территории Бурятии, Евгения Владимировича Лебедева. Таким образом, встреча ее с И. Бурсаком была далеко не случайной.

В Троицкосавске И. Бурсак сближается с вновь назначенным начальником ГПО 20-летним Яковом Григорьевичем Вишняком. Интересные подробности можно прочитать, ознакомившись с партийной анкетой Я. Вишняка, которую он заполнил 4 декабря 1920 г.

«Анкета: Вишняк Яков Григорьевич. Родился 25 марта 1900 г. Дата вступления в РКП(б) – 11 марта 1920 г. С 1917 г., состоял в партии Бунд, г. Челябинска. Приговорен к расстрелу атаманом Калмыковым, совершил побег. Родной язык – еврейский. Свободно говорит по-русски. Образование начальное, полученное в г. Екатеринбург. Профессия до революции – парикмахер. Военное образование – отсутствует. Только курсы Всеобщего образования. Участвовал в боях под Челябинском, в добровольческом отряде 27 дивизии. Состояние здоровья – хорошее. Какую должность занимает (точное название)? – Начальник отделения Госполитохраны (ДВР) № 4. Считает ли настоящую должность подходящей для себя? – Да. К какой работе чувствуете наибольшую склонность? – (К) борьбе с врагами революции. Какой организацией откомандирован? – В ДВР откомандирован ВЧК, г. Иркутск» [7, д. 21, л. 12].

13 ноября, в день отхода китайских войск из слободы Кяхта и Красных казарм (из Троицкосавска китайцы ушли еще весной 1920 г.), Я. Вишняк вступает в должность Начальника Троицкосавского отделения ГПО ДВР. В тот же день он получает от И. Барсука специальное распоряжение, по которому все обыски, выемки и аресты предоставляется делать только с разрешения начальника ГПО Вишняка Я.Г. [2, л. 20].

С этого момента Кяхта подвергается разграблению и хищению имущества, как частных лиц, так и учреждений, деятельное участие в которых принимают как лица командного состава кавбригады Троицкосавского гарнизона, так и при их попустительстве – бойцы той же бригады. Согласно материалам уголовного дела, возбужденного уже в середине декабря 1920 г. специальной комиссией из Читы, уточнялось, что расхищение имущества, которое было в Кяхте, в большой мере совершенно было Госполитохраной, к помещению которой ехали в те дни непрерывные вереницы подвод с разного рода имуществом, там были белье, одежда, вина, ценности и игрушки. Поступая на склад ГПО имущество нигде не учитывалось, как не делалось этого и при реквизиции их на месте, на складах шла сортировка наиболее ценных вещей по усмотрению сотрудников ГПО, которые принимались с молчаливого согласия начальника ГПО для личных надобностей, причем записей полученного или каких-либо других письменных документов не оставлялось. В этих хищениях своих подчиненных превзошел сам новоявленный начальник ГПО Я. Вишняк. На его квартиру доставлялись самые ценные вещи – ящиками. Кроме того, при занятии Кяхты был произведен целый ряд арестов граждан, причем некоторые были арестованы без всякого преступного действия с их стороны, с санкции Я. Вишняка. По приезду в ГПО арестованных, у них отбирались деньги, ценности, причем записей конфискованного товара не велось. Позднее, когда преступление вскрылось, у Я. Вишняка обнаружались похищенные вещи, но не все, так как другая часть по показаниям свидетелей была переправлена частью в Маймачен, к родственнице (родной сестре) Я. Вишняка, а частью в Верхнеудинск [2, лл. 20-21].

В квартире Я. Вишняка оказалась масса самых разнообразных вещей из числа имущества, привезенного из Кяхты. Здесь были мягкая мебель, качалки, дверные драпировки, столовые и чайные ложки, разные золотые вещи, зеркала, ковры, серебряные сервизы, столовые приборы, мужское и женское платье, отрезки разных материй, столовое белье и пр. По сообщениям очевидцев и свидетелей этих преступлений, квартира Я. Вишняка напоминала небольшой музей, который по своим ценностям мог соперничать с местным Кяхтинским краеведческим музеем.

В деле хищений и незаконных распоряжений местной власти от Я. Вишняка не отставал и И. Бурсак. Так 30 ноября 1920 г. он издал распоряжение, изложенное в сообщении начальника штаба пограничной группы войск за № 210, по прошению опекуна над имуществом малолетних детей известной купеческой фамилии Шишмаковых, где отказал последним в праве наследования, а имущество поручил считать военным трофеем. При этом часть многочисленных ценностей и имущества, незаконно реквизированных в Кяхте И. Бурсаком, была отправлена сво-

им высокопоставленным друзьям в Читу в распоряжение Главкома НРА Г.Х. Эйхе. Сохранился список отправленного имущества: ковров малого размера – 5, ковров больших – 2, одеял шелковых – 2, кафтанов кучерских – 3, коробок кабинетных – 2, статуэтка бронзовая с барометром – 1, тростей деревянных – 2, дорожек войлочных – 1, альбом – 1, подушек шелковых – 2, часов настольных – 2, воротников и манжет – 74, одеяло тигровое – 1, портьер дверных – 2, пепельниц – 3. В деле имеется примечательная записка И. Бурсака: «Совершенно секретно, тов. Меркулов, исполните просьбу товарища Попова, насчет дамского белья и проч. Комгруппы Бурсак» [2, л. 29].

Также, при занятии слободы Кяхты войсками НРА ДВР, И. Бурсак сделал незаконное распоряжение о немедленной эвакуации из Кяхтинской таможни всех хранящихся там товаров, имущества и инвентаря, для чего была образована комиссия в составе Госкоконтроля, Минпрода и других учреждений г. Троицкосавска. В ходе первичного осмотра оказалось, что все товары на таможне являются конфискатом, и хранятся там, начиная с 1909 г., в «хаотическом виде», без соответствующей упаковки и должного складирования. И. Бурсак приказывает товары отправить на склад Прибайкальского союза кооперативов, а инвентарь таможни на склад Группы войск НРА. Председатель комиссии Чемезов из Госконтроля заметил, что первоначально нужно взять все товары и имущество на учет, затем все тщательно упаковать и только после этого увозить на склады в Троицкосавск. И.Н. Бурсак заявил в ответ, что данные товары являются военным трофеем, поэтому должны быть вывезены в экстренном порядке. Представитель Госконтроля поинтересовался: «Если это военные трофеи, то зачем были привлечены гражданские специалисты?» На что И. Бурсак заметил: «Вы привлечены как специалисты, указывать и распоряжаться не имеете права, я являюсь высшей властью на месте, (вы) должны мои распоряжения исполнять беспрекословно». В дальнейшем сотрудникам ГПО было передано из имущества таможни пять сундуков с неизвестным содержимым. Куда были отправлены эти сундуки, осталось тайной [там же, лл. 29-30].

Все эти факты не остались незамеченными простыми бойцами, бывшими партизанами Троицкосавского гарнизона. Для бывшего же командира партизанского отряда Емельяна Черняева, справедливого, как считали многие его товарищи по оружию борца за народную власть, эта ситуация стала спусковым крючком для вооруженного выступления против власти.

В отчете Троицкосавского Унарревкома за декабрь 1920 г., говоря о причинах восстания Черняева, указывалось: «Настроение населения за декабрь месяц 1920 г. по Троицкосавскому уезду резко изменилось к худшему. Причиной к этому, стали, как продолжающаяся экономическая

разруха, отсутствие товаров, больших тягот, лежащих на населении, нехватка рабочих рук, находящихся под ружьем – так и причины местного характера, в связи с произошедшими в Троицкосавске событиями начала декабря месяца. Как известно, в Троицкосавске в ночь с 1-го на 2-е декабря произошла попытка переворота, выразившаяся в аресте высшего местного командного состава, прибывшим в город с небольшой группой лиц, бывшего партизана в недалеком прошлом и дезертира в настоящем, крестьянина Черняева из Биллютайского селения Окино Ключевской волости. Черняев, в прошлом не жалевший своей жизни в борьбе против белых банд, в данном случае выступил как лицо, идущее против власти и пытающееся представителей этой власти устранить насильственным путем ... Он человек темный, невежественный, из самого темного угла Прибайкалья, селения Биллютай. Из среды самого темного и невежественного населения старообрядцев, человек, руководивший во время партизанской борьбы небольшим отрядом, с которым он, конечно, героически боролся против белых, но о дисциплине и порядке в котором совершенно забывали. Когда же партизанские части были сведены в регулярную армию и стала вводиться строгая дисциплина, а в среде командного состава появились лица из бывших царских, колчаковских и семеновских офицеров, зачастую не вполне безупречных и мало заботившихся о привнесении в массы просветительства, что вызвало в свое время массовое дезертирство из армии. Черняев так же стал дезертиром, скрывающимся от службы в своей деревне.

Такое же отсутствие культурно-просветительской работы в войсках имело место и в Троицкосавском гарнизоне, находившемся под командованием Абрамова. Начальник гарнизона своим личным образом жизни резко давал почувствовать даже самому несознательному и темному бойцу все неравенство их положения. С одной стороны, боец зачастую голодный, неодетый, босый, – с другой стороны, высший командный состав, ведущий образ жизни, близкий к роскоши и на средства, о происхождении которых каждый боец мог думать самым различным образом. Протесты со стороны бойцов по поводу этого положения вещей раздавались и раньше, а так как состав местного гарнизона был почти исключительно из крестьян Троицкосавского уезда, то через бойцов гарнизона настроение недовольства командным составом, а в лице его вообще властью ДВР, передавалась крестьянскому населению в деревнях. Гарнизон в подавляющей своей части проявил весьма сдержанное отношение к попытке Черняева, чем отчасти и объясняется такой скорый конец восстания. Но последовавшая «ликвидация» всей этой истории очень тяжело отложилась на гарнизоне, а вместе с этим и на настроениях населения уезда.

Гарнизон был обезоружен и весь арестован. Вещи многих бойцов,

даже не из казенного обмундирования, подверглись расхищению. При обыске у большинства бойцов Госполитохраной были отобраны суммы денег, которым не велось ни счета, ни записей. Кроме того, арестованные бойцы содержались в страшных антигигиенических условиях, в одной из Красных казарм. Все вышеперечисленные факторы в скором времени отразились на настроении населения уезда в худшую сторону, где при наличии неуловимой, происходящей исподтишка, агитации кулацких элементов, все это создало образ «ненавистных коммунистов» и «коммунии», как источника всех бед современной жизни» [7, д. 283, л. 22-22об.].

Черняевский мятеж был одним из первых в ряду более мощных крестьянских выступлений, таких как Кронштадтское, Антоновское на Тамбовщине и многочисленных восстаний, в Западной Сибири и на Алтае. Дальбюро ЦК РКП(б), и правительство ДВР серьезно отнеслись к событиям в Троицкосавске и назначили специальную комиссию Верховного суда в составе: Председателя Белевича, члена суда Малинина и секретаря Новосордяна. Комиссия проработала в Троицкосавске два месяца, в дальнейшем уехала в Читу для доклада правительству ДВР и Дальбюро ЦК РКП(б) [3, с. 65].

Вскоре были предъявлены обвинения следующим руководителям Троицкосавска:

1. Вишняк Яков Григорьевич, Начальник Госполитохраны № 4.
2. Зуев Николай Иванович, Начальник подотдела Госполитохраны № 4.
3. Орлов Александр Иванович, сотрудник Госполитохраны № 4.
4. Бурсак Иван Николаевич, Командующий группы войск Троицкосавского пограничного района
5. Меркулов Борис Николаевич, военный комендант г. Троицкосавска
6. Абрамов Сергей Алексеевич, Начальник военного гарнизона г. Троицкосавска
7. Лихачева Августа Капитоновна, Военный комиссар группы войск г. Троицкосавска
8. Петров Петр Александрович, Начальник 1-го участка Троицкосавской уездной милиции [2, лл. 36-37].

Все они вскоре покинули свои должности и уехали из Троицкосавска, но строгого судебного наказания не понесли.

Е. Черняев получил максимальный срок за вооруженное выступление против существующей власти – 20 лет лишения свободы. Во время конвоирования, летом 1921 г., в связи с наступлением Азиатской дивизии барона Р. Унгерна, был по дороге в Верхнеудинск отбит бичурскими партизанами, и снова возглавил партизанский отряд из билютаевцев для борьбы с наступавшими унгерновцами [8, д. 283, л. 47]. В дальнейшем как социально близкий к власти гражданин, был реабилитирован.

Свой жизненный путь он закончил в Верхнеудинской тюрьме в 1931 г., по обвинению в деле так называемого «Ноехонского контрреволюционного центра» и заговора против Советской власти. Расстрелян он был сотрудниками НКВД в одном тюремном дворе вместе с некоторыми своими классовыми врагами, например, бывшим городским главой г. Троицкосавска, некогда одним из самых состоятельных купцов Кяхты – Я.Н. Барбот-де-Марни, обвиненным в создании террористического центра на территории г. Кяхты для помощи повстанцев из Ноехона.

В его следственном деле (февраль 1931 г.), написана краткая биографическая справка: «Черняев Е.С. Год рождения: 1879 г.р. Происходит из крестьян с. Билюты, Билютяйского сельсовета, Кяхтинского аймака. Русский, малограмотный, женат, по имущественному положению – бедняк. Имеет – один дом, один амбар, две лошади, одну корову. Служил в царской армии – рядовым и начальником партизанского отряда. В 1921 г., судился за участие в вооруженном восстании против советской власти» [9, л. 11].

Список использованной литературы и источников

1. Алешкин П. Ф. Крестьянские восстания в России в 1918-1922 гг. От махновщины до антоновщины / П. Ф. Алешкин, Ю. А. Васильев. – Москва : Вече, 2012. – 400 с.
2. ГБУ АО «Амурский Областной Краеведческий Музей им. Г.С. Новикова-Дурского». – Дело: «О заключении суда о вооруженном восстании в Троицкосавске (02.12.1920 г.)».
3. Оношко В. Б. Приграничный уком / В. Б. Оношко. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1968. – 192 с.
4. Кравцов В. Т. Кяхта революционная (Из истории города Кяхты и южного Прибайкалья в 1905–1923 гг.) / В. Т. Кравцов. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1977. – 239 с.
5. Басаев Г. Д. М.Н. Ербанов / Г. Д. Басаев, С. Я. Ербанова. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1989. – 239 с.
6. Кожевин В. Е. Партизанские тропы герояев / В. Е. Кожевин. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1986. – 162 с.
7. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. 21. – Оп. 2.
8. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 283.
9. ГАРБ. – Ф. Р 1411(с). – Оп. 1. – Д. 1205.

Информация об авторе

Кургузов Павел Владимирович – независимый исследователь, 670042, г. Улан-Удэ, до востребования, e-mail: bpnf1968@bk.ru

Author

Pavel V. Kurguzov – Independent researcher, 670042, Ulan-Ude, poste restante, e-mail: bpnf1968@bk.ru